

Вл. ПИМЕНОВ

ТЕАТР И ЖИЗНЬ

Театр и жизнь. Драматургия и реальная действительность. Художественное творчество и конкретная правда дел, правда бытия и мыслей человека-труженика. Все это — важнейшие проблемы нашего искусства — искусства, кровно заинтересованного в том, чтобы говорить правду об обществе и его людях. В этом принципиальное отличие искусства социалистического реализма от литературы и театра буржуазного Запада. Правда о действительности — существо искусства социалистического, его основа, его живое дыхание.

Только что прошел исторический внеочередной XXI съезд КПСС. На съезде самое пристальное внимание было уделено вопросам идеологии, мировоззрению, воспитанию масс.

Помочь идеологическому воспитанию трудящихся, их активной борьбе с буржуазной философией может и должен советский театр, всегда сочетавший задачи эстетические с задачами воспитательными, всегда ставивший на первое место жизненное, правдивое революционное содержание художественных произведений.

Что значит правда об обществе и о человеке этого общества? Правда означает для искусства не только фиксацию пройденного пути, одержанных побед. Правда о современности — это обязательно решительный и смелый взгляд в будущее, это органическое сочетание конкретных примет времени сегодняшнего с осязаемыми чертами завтрашнего.

Взгляд в будущее всегда придавал и придает художественным произведениям особую, сегодняшнюю достоверность и в то же время — непреходящую созвучность грядущим делам.

Не случайно лучший поэт революции, талантливейший драматург нашей эпохи Владимир Маяковский всегда вводил в свои пьесы живой образ грядущего — вспомним «машину времени» и «Фосфорическую женщину» в «Ване», «Человека будущего» из «Мистерии-буфф».

И когда думаешь о том, что же отличает искусство социалистического реализма от произведений некоторых зарубежных буржуазных писателей, пусть правдивых, пусть жизненных, понимаешь, что отличие это заключено еще и в том, что будущее светло и открыто для литераторов советских, что будущее неясно и тревожно даже для прогрессивных художников Запада.

Мы часто говорим о том, что конфликт — основа драматургии. Это, бесспорно, верно. Но как понимать столкновение, конфликт в драме? Если как самоцель, когда исход борьбы ничего не решает в обществе, а сама борьба построена на мелких, принципиальных различиях в характерах, — тогда конфликт будет не душой драмы, а всего лишь формальным, механическим толчком к следующим никакому не волнующим сценам. Если же столкновение пройдет по генеральной линии жизненной борьбы за новое, когда завершение конфликта станет нравственной победой лучших черт характера нового чело-

века, — тогда противоречия, на которых построена драма, будут действительно определять и ход времени, и судьбы людей.

В труде, в новом отношении к труду раскрывается человек в нашем обществе.

Когда мы говорим, что хотим видеть человека живого, во плоти и крови, не схему, мы понимаем, что живая реальность нашего современника — это его отношение к труду, что как раз схемой будет он в искусстве, если лишить его главного дела жизни — свободного творческого труда.

Было бы неверно говорить, что советский театр не создал и не раскрыл образа человека-труженика. От первых героев нашей молодой драмы — плотников, пекарей, прачек «Мистерии-буфф» через «Темп» и «Поэму о топоре» Н. Погодина вплоть до последних современных наших произведений: «Человек в отставке» А. Софронова, «Золотая карета» Л. Леонова, «Дали неоглядные» Н. Вирты, «Товарищи-романтики» М. Соболя, «Начало жизни» К. Финна и многих других — победно шли и идут по советской сцене люди, чьи идеалы, чьи мечты, чья жизнь были неразрывно связаны с раскрепощенным трудом.

Но нельзя успокаиваться на достигнутом. Мало еще у нас пьес и спектаклей о героическом нашем современнике. Говоря о людях труда, драматурги наши часто еще останавливаются на их первых шагах, на начале пути, на становлении нового трудового характера. Но литература и театр только тогда обретают подлинную духовную и художественную свою зрелость, когда рассказ о замечательных начинающих органически слит с повестью о великих завершениях, когда характер формирующийся показан нам и как характер уже сложившийся и цельный. Счастье, то есть гармонию идеалов общественных с полнотой нравственной жизни, обретали не только юноши и девушки, выбирающие свою дорогу, но уже раз и навсегда выбравшие ее, как, например, незабываемый герой романа П. Павленко «Счастье» — Воропаев.

Говорить в нашем театре о людях труда — это значит рассказывать и о рядовых тружениках производства, и о командирах советской индустрии, социалистического сельского хозяйства, нашей партийной жизни. Давно пора расстаться с глубоким заблуждением, что руководители оторваны от запросов народа, что только простые люди знают и чувствуют веления жизни и на этом только и можно построить конфликт пьесы. Да, от жизни оторваны плохие руководители, но не о них же призвано рассказывать наше искусство, не они главные в пьесе. Однако до сих пор оглупленные схемы ответственных работников бродят в наших пьесах, к сожалению, даже и в наиболее интересных из них, таких, как «Дали неоглядные», «Битва в пути», «Человек в отставке» и других.

Советский театр знал немало великодушных образов положительных героев нашего времени.

Это и погодинский Гай, и Чеснок и Галушка из «В степях Украины» А. Корнейчука, и Сергей Лукошин из пьесы Н. Симонова «Парень из нашего города», и много, много других.

Но сегодня герой нашего искусства должен быть еще масштабнее, еще ярче и еще сильнее, чем все те люди, которые уже давно полюбились нам по спектаклям и пьесам прошлых лет.

Однако драматурги наши и театры еще не всегда умеют соединить в положительном герое осознанную коммунистическую мечту с трезвостью каждодневных дел во имя осуществления этой мечты. Они либо знакомят зрителя с людьми, для которых высшее образование обозначает некое новое качество, отгораживающее их от обычных смертных, либо с теми, кто презрительно, высокомерно относится к науке, замыкаясь в рамках чисто эмпирического опыта. О нетерпимости обеих этих крайностей очень хорошо сказал тов. Н. С. Хрущев на встрече с выпускниками физического факультета Московского Государственного университета, предостерегая молодежь от излишнего увлечения профессиями необычными, романтическими, и от разрыва практического опыта с вершинами человеческих знаний. Об этом постоянно должны помнить наши литераторы, деятели советского театра, активные помощники партии в воспитании подрастающего поколения. Воспитывая в них высокую коммунистическую нравственность, писатели наши должны в первую очередь исходить из того, что воспитание это должно быть связано с решением задач коммунистического строительства.

Этот боевой дух, эту тесную связь идеологических вопросов с задачами построения коммунистического общества, к сожалению, не всегда еще находим мы в наших произведениях, скорее обороняющихся, чем наступающих на враждебную философию.

И говорить обо всех этих важнейших вопросах жизни театр должен не только горячо и талантливо, но и разнообразно. Не нужны пьесы, которые не волнуют, где заранее предусмотрена победа сил положительных, где нельзя ни посмеяться, ни поплакать потому, что и смешное, будто бы не типично, и драматическое будто бы исчезло из нашей действительности.

Советский зритель любит острую, задорную комедию, веселый, изысканный водевиль, большую и важную трагедию. И ни комических положений, ни драматических ситуаций не нужно придумывать нашим писателям. В жизни общества, идущего к новым формам коммунистического бытия, не может быть гладких, накатанных дорог, ровных, не изменяющихся судеб. И веселый смех, и гражданская скорбь — все должно быть в палитре нашего сценического искусства.

У нас есть хорошие драматурги, у нас есть отличные, ищущие новых, подлинно реалистических средств выразительности режиссеры, есть великолепные актеры, мечтающие об образах своих современников, о том, чтобы мастерство их раскрывалось в первую очередь на материале нашей действительности.

Для того чтобы наши драматическая литература и сценическое искусство были действительно на уровне задач и запросов партии, народа, надо создавать произведения, проникнутые живым и горячим пафосом времени, произведения больших мыслей и чувств, светлого, жизнеутверждающего звучания, высокой художественной формы, произведения подлинно новаторские, выбирающие в себя лучшие традиции русской и мировой классической литературы.